ЕВГ. ЗАМЯТИНЪ

БОЛЬШИМЪ ДѢТЯМЪ СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
З. И. ГРЖЕБИНА
ПЕТЕРБУРГЪ - БЕРЛИНЪ
1922

ΚΤΗΜΑ
ΕΙΣ
ΑΕΙ

ЕВГ. ЗАМЯТИНЪ

БОЛЬШИМЪ ДѢТЯМЪ СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ * ПЕТЕРБУРГЪ * МОСКВА
1922

Печать Библіографическаго Института въ Лейпцигѣ

Богъ.

Было это царство богатое и древнее, славилось плодородностью женскаго пола и доблестью мужского. А помѣщалось царство въ запечьѣ у почтальона Мизюмина. И былъ такой тараканъ Сенька — смутьянъ и оторвяжникъ первѣйшій во всемъ тараканьемъ царствѣ. Тараканихамъ отъ Сеньки — проходу нѣтъ; на стариковъ ему — начихать; а въ Бога — не вѣритъ.

— Да, какъ же не вѣришь, безстыжіе твои глаза? Ты при свѣтѣ вылѣзь да зѣнки разинь. А то, ишь ты: нѣ — ѣту...

— А что жъ, и вылѣзу, — хорохорился Сенька.

И вылѣзъ однажды. Вылѣзъ — и ахнулъ: Богъ-то вѣдь есть и правда. Вотъ онъ, вотъ: грозный, нестерпимо-огромный, въ тужуркѣ съ желтымъ кантомъ, богъ...

А богъ, почтальонъ Мизюминъ, чулокъ вязалъ: любилъ онъ этимъ ремесломъ позаняться въ свободное время.

— А-а, другъ сердечный — таракан запечный, откуда ты, здравствуй!

Почтальону Мизюмину нынче выговориться обязательно надо, а больше, какъ съ Сенькою, не съ кѣмъ.

— Ну, братъ Сенька, женюсь я. Дво-рян-ка, пойми ты, тараканья душа, дворянская дочь, и приданого полтораста рублей. Охъ, и заживемъ же мы съ тобой! Заживемъ, Сенька? А?

А Сенька отъ изумленія глаза какъ вылупилъ — такъ и остался; всѣ слова позабылъ.

У Мизюмина свадьба — на Красную Горку, и заказала ему невѣста, чтобъ до свадьбы обязательно купилъ себѣ новыя калоши. А то чистый срамъ: ужъ который годъ носитъ Мизюминъ отцовскія кожаныя скробыхалы, номеръ четырнадцатый. И какъ только Мизюминъ на улицу — сейчасъ же за нимъ мальчишки:

— Э! Э! Скробыхалы! Скробыхалы! Держи! Скробыхалы!

Навязалъ Мизюминъ чулокъ — и на предблаговѣщенскій торгъ пошелъ: чулки продать — новыя калоши купить. Подвернулись Мизюмину щеглы въ клѣткѣ: не щеглы — заглядѣнье.

— «Сем-ка, я лучше щеглятъ куплю. Калоши-то еще крѣпкія...»

Купилъ клѣтку, поднесъ невѣстѣ въ презентъ:

— Вотъ, чулки связалъ — продалъ, щеглятъ вамъ купилъ. Не побрезгуйте ужъ: отъ чистаго сердца.

— Ка-акъ? Чулки? И опять въ скробыхалахъ? Ну, нѣ-ѣтъ, терпѣнья больше нѣту. Подумать только: за чулошника замужъ! Нѣ-ѣтъ, нѣтъ, и никакихъ разговоровъ...

Прогнала Мизюмина съ глазъ долой. Надрызгался въ трактирѣ Мизюминъ, вернулся домой пьянъ-пьянехонекъ, за стѣны держится...

А на стѣнѣ — ждалъ бога таракань Сенька: умиленно слушать, какъ всякій вечеръ, что скажетъ богъ.

Горькими слезами хлюпалъ, шарилъ рукой по стѣнѣ почтальонъ Мизюминъ. И ненарокомъ какъ-то задѣлъ пальцемъ Сеньку, полетѣлъ Сенька торчмя головой въ тартарары, въ бездонное.

Очнулся: на спинкѣ лежитъ. Берега — гладкіе, скользкіе; глубь — страшенная. Еле-еле, далеко гдѣ-й-то, потолокъ виденъ...

И взмолился Сенька своему богу:

— Вызволи, помоги, помилуй!

Нѣтъ, глубь такая — и богу, должно быть, не достать, такъ тутъ и сгинешь.

...Горькими слезами хлюпалъ почтальонъ Мизюминъ:

— Сенька, Сенюшка, одинъ ты у меня остался... И гдѣ же ты... и куда жъ я тебя...

Нашелъ Сеньку Мизюминъ въ своемъ скробыхалѣ. Пальцемъ выковырнулъ Сеньку изъ бездны — скропыхала номеръ четырнадцатый — и на стѣну посадилъ: ползи. А Сенька и ползти не можетъ, прямо очумѣлъ: до чего нестерпимо-великъ богъ, до чего милосердъ, до чего могуществен ъ!

А богъ, почтальонъ Мизюминъ, хлюпалъ и хлюпалъ...

Иваны.

А еще была такая деревня Иваниха, всѣ мужики Иваны, а только прозвища разныя: Самоглотъ Иванъ (во снѣ себѣ ухо сжевалъ), Оголтень Иванъ, Носопыръ Иванъ, Соленыя-Уши Иванъ, Белены-Объѣлся Иванъ, Переплюй Иванъ, и не перечесть, а только Переплюй — самый главный ихнiй. Которые скородятъ, сѣютъ, а Иваны — брюхами кверху да въ небо плюютъ: кто кого переплюнетъ.

— Эхъ вы, Иваны! Пшеницу бы сѣяли!

А Иваны только сквозь зубы: цыркъ.

— Вотъ, на новыхъ земляхъ, слыхать, дѣйствительно пошеница: первый сортъ, въ огурецъ зерно. Это — пошеница, да...

И опять: кто кого переплюнетъ.

Лежали этакъ — лежали, и привалило Иванамъ счастье ни вѣсть откуда. Топотъ по дорогѣ, пыль столбомъ — конный по Иванихѣ, объявленiе привезъ: которые Иваны на новыя земли желаютъ — пожалуйте.

Осѣнили себя Иваны крестнымъ знаменiемъ, изо всей мочи — за хвостъ конному, и понесло, только рябь въ глазахъ: церковь — поле, поле — церковь.

Спустилъ конный: ни жилья, ничего, на сто верстъ кругомъ — плѣшь, и только по самой по середкѣ крапивища стоитъ, да какая: будылка въ обхватъ, на верхушку глянь — шапка свалится,

а стрекнетъ — волдыри въ полтинникъ. Колупнули Иваны землю: черная — варъ сапожный, жирная — масло коровье.

— Ну, братцы, скидавай котомы: самая она и есть — первый сортъ.

Въ кружокъ сѣли, краюху пожевали съ солью. Испить бы, да и за дѣло. Туда-сюда: нѣту воды. Дѣлать нечего, надо колодецъ рыть.

Взялись, это. Земля — праховая, легкая, знай комья летятъ. А Переплюй нѣтъ-нѣтъ да и остановится, глаза прижмуритъ.

— Ой, братцы, должно быть, и вода же тутъ: сладчищая, не то, что у насъ...

А тутъ какъ разъ объ камень желѣзо — дрынь! Каменина здоровый. Вывернули — ключъ забилъ. Черпанули въ корцы, попили: холодная, чистая, а вода, какъ вода.

Переплюй только сквозь зубы — цыркъ:

— Этакой-то въ Иванихѣ сколько хошь. Глубже бери: тутъ первый сортъ должна быть, а не то что...

Рыли-рыли, до темной ночи рыли: все тоже. Подъ крапивищей ночь проворочались, съ утра опять рыть. А ужъ глубь, жуть въ колодцѣ, черви какіе-то пошли, поганые, голые, розовые, мордастые. Роютъ-пороютъ, пристанутъ Иваны, призадумаются. А Переплюй сверху — еле-еле слыхать:

— Глубже, братцы, бери! Самую еще малость нажать!

И дошли тутъ до какого-то сузёму: крѣпкій — скрябка не беретъ, и вода мѣшаетъ — воды порядочно, все такая же, какъ въ Иванихѣ. Ломъ взяли: тукнутъ, а оттуда гукъ идетъ, какъ изъ бочки, пещера, что ли. Тукнули это еще посильнѣй: какъ загудитъ все — да внизъ, и вода внизъ, и щебень, и комья, и инструментъ весь, глаза запрашило, оглохли, еле на прилипочкѣ какомъ-то сами удержались.

Протерли глаза Иваны, глянули подъ ноги... Съ нами крестная сила! Дыра — а въ дырѣ небо синее. Вверхъ глянули: далеко, чуть свѣтится небо синее. Съ нами крестная сила: проколупали землю насквозь!

Сробѣли, шапки въ охапку, да наверхъ драла: Самоглотъ — Оголтню на плечи, Оголтень — Носопыру, Носопыръ — на Соленыя-Уши, Соленыя-Уши — на Белены-Объѣлся, такъ и выбрались.

Выбрались — первымъ дѣломъ Переплюю бока намяли. Монатки въ котомы да назадъ въ Иваниху: безъ воды, безъ инструменту куда же теперь? Только и утѣхи, что по щепоти новой земли въ Иваниху притащили.

Сосѣдямъ показываютъ, а сосѣди не вѣрятъ.

— Бреши, бреши больше; кабы такая земля гдѣ была, такъ неужто бы назадъ вернулись?

А про это, какъ насквозь проколупали, никакъ и разсказать нельзя: засмѣютъ. Такъ брехунами Иваны и прослыли, и по сю пору никто не вѣритъ, будто на новыхъ земляхъ были. А вѣдь были же.

———

Ангелъ Дормидонъ.

Былъ такой глупый ангелъ, по имени — Дормидонъ. Всѣ ангелы, извѣстно — отъ дыханія Божія: дохнетъ Господь — и ангелъ, дохнетъ — еще ангелъ. А тутъ погода была плохая, чихнулось — и вылетѣлъ ангелъ отъ чоха, оттого и несуразный. Рыластый, глазами, это, все туды-сюды, туды-сюды, и на лѣвой рукѣ, на мизинцѣ, кольцо съ аметистомъ: ну подъ стать ли это ангелу-то? А какъ до дѣла — такъ ему чтобъ сразу все, съ бухты-барахты, а потомъ и завалиться дрыхнуть. Такъ ужъ его терпѣли на небѣ, изъ милости больше.

И приставили глупаго ангела Дормидона за мужикомъ ходить. А мужикъ — тоже хорошъ: пьяница забубенный.

Ходилъ, это, ходилъ Дормидонъ за своимъ мужикомъ по всѣмъ цѣловальникамъ — никакъ толку нѣтъ.

«Ну, коли такъ, — думаетъ, — ладно. До бѣлой горячки тебя допою, а потомъ ужъ сразу и раскаю».

И мужику на ухо:

— Вали, братъ, наяривай! Ну-ка, еще по одной!

И побѣжалъ мужикъ по деревнѣ не въ своемъ видѣ, безъ штановъ, буянитъ — мочи нѣтъ, — а въ рукахъ — цѣпъ: за своей же, мужиковой, тѣнью съ цѣпомъ гоняется.

А Дормидонъ въ воротахъ, за вереей, съ мужиковымъ братомъ спрятался, и оба за животики держатся:

— Ха-ха-ха! Такъ ее, такую-сякую! Такъ ее, лови!

Добѣжалъ мужикъ, тѣнь—нырь въ ворота. Мужикъ за ней:

— А-а? Еще гогочешь, проклятая? Ну, посто-ой...

Да какъ ахнетъ цѣпомъ съ плеча. Ангелу-то чего подѣется, а мужиковъ братъ — такъ и свалился, какъ колосъ: мертвый.

Полетѣлъ глупый ангелъ съ донесеніемъ: такъ и такъ, происшествіе. Взмылили ему голову, какъ надобно, а онъ стоитъ себѣ да перстень съ аметистомъ вертитъ: какъ съ гуся вода.

— Ну, Дормидонъ, — говоритъ Богъ, — теперь уже какъ хочешь, хоть двадцать годовъ ходи, а чтобы у меня въ рай мужика этого предоставилъ.

— Фу ты, Господи: да неужъ не предоставлю? Я-то? — и къ мужику, на землю.

А день былъ базарный: пошли съ мужикомъ доски покупать — мужикову брату на домовину, веревокъ — домовину спускать.

Мужикъ — тверезый, зленный — страсть, Дормидона — такъ и чешетъ:

— Во-отъ въѣлся, чисто репей въ хвостъ собачій! Ты долго еще за мной будешь?

Дормидонъ — будто и не ему: знай, перстень вертитъ. А у самого въ головѣ, какъ гвоздь:

«И какъ бы это однимъ махомъ отъ мужика оттильдикаться?»

Глядь — цыганъ мимо, свинью на арканѣ волокетъ: свинья визжитъ, упирается, веревка — длинная, бѣлая.

Увидалъ Дормидонъ цыгана съ свиньей — какъ по лбу себя хлопнетъ: батюшки мои, вотъ же... И мужику на ухо:

— Покупай веревку-то, покупай, Веревка-то какая: нигдѣ не найти.

Купилъ мужикъ. И только, это, вышли съ Дормидономъ на выгонъ — ну, который за базаромъ выгонъ — Дормидонъ хвать цыгановъ арканъ: мужику на шею — и поволокъ.

Мужикъ — въ голосъ:

— Батюшка! Ослобони, родимый! Братъ неприбранъ лежитъ! Куда ты меня?

А Дормидону — потѣшно, ржетъ:

— Ну-ка еще? Ну-ка еще? Нѣ-ѣ-ѣтъ, не уйдешь! Такъ безъ пересадки въ рай и приволоку!

Брыкался-брыкался мужикъ, а подъ конецъ — сѣлъ на земь колодой — и все поди, сковырни.

Почесался Дормидонъ, поплевать на руки — дюжій былъ — за арканъ покрѣпче да какъ завьется съ мужикомъ вверхъ. И ходу, все пуще, только вѣтеръ свиститъ. На мужика и не оглядывается: тяжело на арканѣ, стало быть — тутъ мужикъ, ну и ладно, а что утихъ — и того лучше.

Прилетѣлъ въ рай, упыхался, ухмыляется Дормидонъ во весь ротъ: доволенъ.

— Ска-ажутъ тоже: двадцать годовъ. Вотъ онъ мужикъ-то вашъ. Предоставилъ.

Поглядѣли: а мужикъ лежитъ, ни копнется, синій весь, языкъ высунутъ. Готовъ.

Осерчалъ тутъ Господь — не приведи, Господи, какъ:

— Предоста-авилъ! Дуракъ ты, дуракъ, набитый. Сейчасъ вонъ, и чтобъ духу твоего не было!

Обчекрыжили Дормидону крылья — и на землю сослали. Пока, это, опять до ангеловъ дослужится.

Хряпало.

Тряхнуло — посыпались сверху звѣзды, какъ спѣлыя груши. Опустѣлъ небесный сводъ, сталъ какъ осеннее желтое поле: только вѣтеръ надъ желтой щетиной гудитъ неуютно, и на краю, на дальней дорогѣ медленно ползутъ два черныхъ человѣка-козявки. Такъ ползли въ пустомъ небѣ солнце и мѣсяцъ, черные, какъ бархатныя ризы на службѣ въ Великій Пятокъ: черные, чтобъ свѣтлѣе сіяло Воскресеніе.

Тутъ-то и поперъ по землѣ Хряпало. Ступни медвѣжачьи, култыхается, то на правую ногу, то на лѣвую. Мертвая голова вепря — бѣлая, зажмуренная, лысая: только сзади прямыя патлы, какъ у странника, до плечъ. И на брюхѣ — лицо, вродѣ человѣчьяго, съ зажмуренными глазами, а самое гдѣ пупъ у людей — разинается пасть.

Въ полѣ подъ озимое оралъ дѣдъ Кочетыгъ. Штаны пестрядиные, рубаха посконная, волосы веревочкой подвязаны, чтобы въ глаза не лѣзли. Глянетъ въ небо дѣдъ: жуть. А пахать все равно надо. Такое уже дѣло.

И сзади Хряпало наперся на дѣда: глаза у Хряпалы только такъ, для порядку, а разожмурить не можетъ, по чемъ ни попадя претъ.

— Ты кто такой?—дѣду говоритъ,—гдѣ пупъ у людей—разинулъ Хряпало пасть—брюхомъ говоритъ. —Ты чего на моей дорогѣ? — другую пасть раззявилъ, вепрячью,—хряпъ: одни дѣдовы лапти наружи.

Еле-еле слыхать, будто изъ подъ земли, дѣдовъ голосъ:

— А хлѣбъ какъ же? Хлѣба не будетъ...

А Хряпало — брюхомъ:

— А мнѣ наплевать... — только и видѣли дѣда.

На просѣкѣ дѣвчушка Оленка цвѣты сбирала — первые колокольцы весенніе. Мелькаютъ босыя ноги, бѣлыя между колокольцевъ, и сама, какъ золотой колоколецъ, заливается: про свекровь-матушку, про лихà мужа, — за сердце беретъ.

Споткнулся Хряпало на Оленку:

— Ты чего на дорогѣ? — хряпъ: однѣ пятки босыя забились, бѣлыя.

Изъ глуби только и успѣла крикнуть Оленка:

— А пѣсня...

— А мнѣ наплевать, — пробрюхалъ Хряпало и послѣднее заглотилъ — бѣлыя пятки.

Гдѣ ни пройдетъ Хряпало — пусто, и только сзади него останется — пометъ сугробами.

Такъ бы и перевелась людь на землѣ, да нашелся тутъ человѣкъ, офеня, и фамилія у него какая-то обыкновенная, не то Петровъ, не то Сидоровъ, и ничего особеннаго, а просто смѣтливый, ярославскій.

Примѣтилъ офеня: не оборачивается Хряпало, все прямо претъ, невозможно ему оборачиваться.

И съ ухмылочкой ярославской поплелся офеня тихонько за Хряпалой. Не больно оно сладко, конечно: не продохнуть по колѣна въ сугробахъ этихъ самыхъ, да зато — вѣрное дѣло.

За ярославскимъ офеней и другіе смекнули: глядь, ужъ за Хряпалой — чисто крестный ходъ, гужомъ идутъ. Развѣ только дураки какіе, вовсе пѣтые, не спопашились за спину Хряпалову отъ Хряпалы спрятаться.

Пѣтыхъ дураковъ Хряпало живо докончилъ и безъ пропитанія околѣлъ, конечно. А ярославскій народъ зажилъ припѣваючи и Господа Бога благодарилъ: жирная земля стала, плодородная отъ помета, урожай будетъ хорошій.

Электричество.

У слесаря Галамѣя въ поясницу вступило: мочи нѣтъ, одолѣлъ ревматизмъ этотъ самый окаянный. Галамѣй и то, и другое, и на порогѣ ему баба поясницу обухомъ сѣкла, и мазево всякое — ничего толку. Ужъ и за что взяться не знаетъ.

А тутъ сосѣдъ какой-то возьми да и накапай ему въ мозги про электричество: одно тебѣ и осталось лѣкарство, — электричество отъ всѣхъ болѣзней можетъ.

Утромъ, чѣмъ свѣтъ, Галамѣй взбодрился: одной рукой за поясницу, другою сапогъ натягиваетъ.

— Ты куда же это ни свѣтъ-ни заря? — баба Галамѣева спрашиваетъ.

— А электричествомъ, — говоритъ, — лѣчиться пойду. Одно мнѣ только теперь и осталось: электричество.

— Охъ, батюшка, ты бы какъ полегче, дѣло-то такое, умѣючи надо. Къ доктору бы.

— Дура-баба: а звонки электрическіе кто у протопопа наладилъ? «Ты-ы батюшка...» Ну то-то. И безъ докторовъ, молъ-ка, управимся. У Галамѣя, братъ, своя башка на плечахъ.

Взвалилъ проволоки мѣдный кругъ — и пошелъ. Посередь самой Дворянской остановился, штаны разстегнулъ, проволокой себя пониже пояса обмоталъ, а на другомъ концѣ крючечекъ сдѣлалъ — и ждетъ. А рань еще, камни розовые, ставни за-

крыты, мальчишки въ бѣлыхъ фартукахъ на головахъ корзинки несутъ. И самый первый трамвай черезъ мостъ гудитъ.

Услыхалъ Галамѣй, изловчился, накинулъ крючечекъ на самый на трамвайный проводъ: ну-ка, Господи, благосло...

Ка-акъ его шкрыкнетъ электричество это самое, заплясалъ, скрючило въ три погибели—и наземь свалился.

Ну, тутъ, конечно, шумъ, гамъ, кондуктора, пассажиры выскочили, оттащили Галамѣя. За докторомъ. Теръ-теръ, кой-какъ докторъ оттеръ Галамѣя, открылъ Галамѣй одинъ глазъ.

— Ну, какъ? — докторъ спрашиваетъ. — Какъ чувствуете?

А Галамѣй — копнулся, ноги къ животу подвелъ:

— Ничего, — говоритъ, — не чувствую. Вылѣчился, слава тебѣ, Господи.

И Богу душу отдалъ.

Дьячекъ.

Слыхано-ли, чтобъ кто-нибудь по выигрышному билету выигрывалъ, да не по газетѣ, а взаправду, такъ, чтобъ и деньги выдали. А вотъ выигралъ же кураповскій дьячекъ, Романъ Якличъ Носикъ, и вчерашняго числа получилъ въ казначействѣ пять тысячъ. Теперь — чисто царь: все можетъ.

Романъ Якличъ Носикъ — сложенія деликатнаго, и мысли у него — деликатныя, возвышенныя: насчетъ облаковъ, стиховъ господина Лермонтова. А въ кураповской церкви — милѣе всего дьячку — Моисей на горѣ Синайской, въ облакахъ алыхъ, золотыхъ и лилейныхъ.

Всю ночь дьячекъ ворочался съ боку на бокъ: и то хорошо, и это неплохо, да надо что-нибудь такое повозвышеннѣй. И никакъ не придумать.

Пошелъ утромъ въ церковь, Моисею-пророку помолиться. Только увидалъ Романъ Якличъ нестерпимую синь синайскую и на самой маковкѣ изъ облаковъ золотыхъ нездѣшній градъ — сразу и осѣнило.

Прибѣжалъ къ дьячихѣ:

— Ну, мать, собирайся. Нонче выѣзжаемъ.

— Да ты спятилъ, что ли? Куда тебя буревая несетъ?

А дьячекъ отъ волненія ужъ вовсе невнятенъ:

— Жа-жалаю, чтобъ, знычть, к-какъ Моисей... на горѣ Синайской.

Ѣхали, ѣхали, текала, охала, пилила дьячка всю дорогу дьячиха. Пріѣхали, стой: Кавказъ называемый. Гора — Синайская, двѣ капли воды, и зацѣпились за маковку неописанной красы облака.

Только хотѣлъ дьячекъ на колѣни пасть — глядь, стоитъ телѣга парой, на грядушкѣ—солдатъ кривой:

— Пожалте, Романъ Якличъ, я за вами!

— Чего такое? Кто послалъ? Куда?

— А на маковку, въ облака въ самыя... — и такой у кривого солдата глазъ пронзительный, такъ насквозь и низаетъ.

— «Либо это мнѣ — съ горы ангелъ, либо — оттуда ангелъ. А ѣхать — все равно надо...» — сѣлъ Романъ Якличъ съ дьячихой въ телѣгу — и покатили.

Сорокъ дней — сорокъ ночей на маковку ѣхать. Дьячиха — знай себѣ — подзакусываетъ да чай съ молокомъ пьетъ. А дьячекъ будто къ причастію, не пьетъ — не ѣстъ, исхудалъ, лицомъ посвѣтлѣлъ. Ужъ будто видать и соборы синекупольные, и зубцы бѣлые, и завтра Романъ Якличъ, какъ Моисей...

Подъ сороковой день ночью на постояломъ лошадей кормили.

— Ну, завтра — чуть свѣтъ пріѣдемъ... — и показалось, кривой солдатъ подмигнулъ: — Время еще есть, можетъ, назадъ повернуть?

— Что ты, кривой, Господи помилуй? На самый на последокъ — да повернуть?

Закрылись веретьемъ да сверху армякомъ дьячковымъ, улеглись въ телѣгѣ дьячекъ съ дьячихой, погналъ лошадей солдатъ. Дьячиха давно ужъ храпитъ, а дьячку — не до сна, сердце колотится, а нарочно глаза закрылъ: потуда не откроетъ, покуда не осіяетъ нестерпимая синь синайская, не зазвонятъ въ соборахъ, не запоютъ голоса нездѣшніе...

И случился грѣхъ: уморился ждать, задремалъ дьячекъ, какъ и пріѣхали, не учуялъ. Только слышитъ, гаркнулъ кривой солдатъ:

— Вставай, Романъ Якличъ, пріѣхали!

Сталъ дьячекъ глаза разожмуривать, потихоньку-потихоньку, чтобъ не ослѣпнуть. Раскрылъ: мга, изморось, осень, слякоть...

— Ты чего жъ, кривой, брешешь, чортовъ сынъ? Прі-ѣ-хали!

— А это самыя облака и есть, другъ ты мой Романъ Якличъ... — да какъ загогочетъ — и пропалъ, и нѣтъ никого: одна изморось, мга, туманъ.

———

Арапы.

На островѣ на Буянѣ — рѣчка. На этомъ берегу — наши, краснокожіе, а на томъ — ихніе живутъ, арапы.

Нынче утромъ арапа ихнего въ рѣчкѣ поймали. Ну такъ хорошъ, такъ хорошъ: весь филейный. Супу наварили, отбивныхъ нажарили — да съ лучкомъ, съ горчицей, съ малосольнымъ нѣжинскимъ. Напитались: послалъ Господь!

И только было вздремнуть легли — вопъ, визгъ: нашего уволокли арапы треклятые. Туда-сюда, а ужъ они его освѣжевали и на угольяхъ шашлыкъ стряпаютъ.

Наши имъ—черезъ рѣчку:

— Ахъ, людоѣды! Ахъ, арапы вы этакіе! Вы это что жъ это, а?

— А что? — говорятъ.

— Да на васъ что — креста, что-ли, нѣту? Нашего, краснокожаго лопаете. И не совѣстно?

— А вы изъ нашего — отбивныхъ не надѣлали? Энто чьи кости-то лежатъ?

— Ну что за безмозглые! Да-къ вѣдь мы вашего арапа ѣли, а вы — нашего, краснокожаго. Нѣшто это возможно? Вотъ, дай-ка, васъ черти-то на томъ свѣтѣ поджарятъ!

А ихніе, арапы — глазищи бѣлые вылупили, ухмыляются да знай себѣ — уписываютъ. Ну до чего безстыжій народъ: одно слово — арапы. И уродятся же на свѣтъ этакіе!

Петръ Петровичъ.

Умнѣе Петра Петровича въ цѣломъ свѣтѣ нѣту: и все думаетъ, и все думаетъ, сопли распуститъ — и думаетъ.

А сопли у Петра Петровича — красные, а происхожденія Петръ Петровичъ — индѣйскаго. А жена у Петра Петровича — клюшка Аннушка, рябенькая: другой мѣсяцъ женаты.

И какъ вылупились изъ земли слѣпыя еще головенки первыхъ травъ — занасѣстилась Аннушка. Причесываться перестала, расшершавилась, ходитъ и квохчетъ, и охаетъ, а Петръ Петровичъ на одной ногѣ стоитъ и думаетъ, думаетъ: вотъ — яйца, съ рыженькими веснушками; а не нынче-завтра изъ яицъ индюшата выйдутъ, желтыя, какъ одуванчикъ, пуховыя, какъ одуванчикъ.

— Ну до чего интересно!

А рябенькая Аннушка — свое бабье дѣло дѣлаетъ: въ кошелкѣ на яйцахъ сидитъ. Недѣля, другая. Извелась Аннушка, не пьетъ — не ѣстъ, съ мѣста не сходитъ.

Петру Петровичу не терпится:

— Ну, какъ тамъ у тебя?

Краснѣетъ Аннушка:

— Да теперь уже, поди, какъ слѣдуетъ. Только еще пушкомъ не обросли. Еще недѣльку бы надо.

— Ну-у: недѣлю! Такъ и не дождешься. Экія вы, бабы!

Умнѣе Петра Петровича въ цѣломъ свѣтѣ нѣту, и все думаетъ, и все думаетъ: на одну ногу станетъ — и думаетъ.

И рѣшилъ Петръ Петровичъ: бабы — извѣстно, рохли, копухи, чего на нихъ глядѣть, надо по-нашему, по индѣй-пѣтушиному.

Пришелъ къ Аннушкѣ — одинъ глазъ прищуренъ: хитрый — бѣда.

— Поди-ко-сь, попей Аннушка. Въ лоханкѣ — вода свѣжая, а я вмѣсто тебя за яйцами пригляжу.

Ушла Аннушка пить, а Петръ Петровичъ — въ кошелку: кокъ одно яйцо, кокъ — другое, кокъ — третье. Теплые индюшата, дышутъ, ей-Богу! Обрадовался — вотъ какъ, и ну ихъ изъ скорлупы тянуть.

Вытянулъ — а они страшные, голые, хлипкіе, и самое, гдѣ задикъ — съ отонкомъ яичнымъ срослись жилами, кровью. Отдирать сталъ — кишки тянутся; назадъ совать въ скорлупку — назадъ не входятъ.

Отскочилъ Петръ Петровичъ, поблѣднѣли сопли — и глядитъ, клювъ разиня — яйца разбитыя, и свѣсились черезъ край желтенькія головки на нестерпимо-длинныхъ, тоненькихъ шеяхъ. И ужъ не дышутъ.

Захлопалъ крыльями Петръ Петровичъ — и скорѣй черезъ заборъ, пока Аннушка не вернулась. Бабы — онѣ, вѣдь какія: чего добраго — глаза выклюютъ.

———

Халдей.

Сидѣлъ Халдей съ логариѳмами, тридцать лѣтъ и три года логариѳмировалъ, на тридцать четвертый придумалъ трубу диковинную: видать черезъ трубу все небо близехонько, ну будто вотъ черезъ улицу. Все настояще видно, какіе тамъ у нихъ жители на звѣздахъ, и какія вывѣски, и какіе извозчики. Оказалось — все, какъ у насъ: довольно скучно. Махнулъ рукой Халдей: эх... — и загорился.

А ужъ слухъ пробѣжалъ про трубу Халдееву, народъ валомъ валитъ — на звѣзды поглядѣть: какіе тамъ у нихъ жители. Ну прямо додору нѣтъ до трубы, въ очередь стали, въ затылокъ.

И дошелъ чередъ до веселой дѣвицы Катюшки: веселая, а глаза — васильки, синіе. Околдовала глазами Халдея, палъ Халдей на бѣлыя травы, и нѣтъ ему слаще на свѣтѣ Катюшкиныхъ губъ.

Катюшка и говоритъ Халдею:

— А небо-то нынче какое. На небо-то глянь!

— Да чего тамъ, видалъ я: и глядѣть нечего.

— Нѣтъ, ты погляди.

Хи-итрая: подвела Халдея къ трубѣ не съ того конца, не съ смотрячаго, а съ другого, ну гдѣ стекла-то маленькія.

Глянулъ Халдей: Богъ знаетъ гдѣ небо — далеко. Мѣсяцъ маленькій, съ ноготокъ: золотой паукъ золотую паутину плететъ и себѣ подъ носъ мурлычетъ, какъ котъ. А небо — темный лугъ

весенній, и дрожать на лугу купальскіе огненные цвѣты, лазоревые, алые, жаркіе: протянуть руку — и несмѣтный купальскій кладъ — твой.

И еще вспомнилось Халдею — когда маленькій былъ: въ чистый четвергъ на томъ берегу — отъ стоянія народъ идетъ, и несутъ домой четверговыя свѣчки.

Сразу — тридцать три года и логариѳмы съ плечъ долой. Набѣжали на глаза слезы, поклонился Халдей въ ноги дѣвицѣ веселой:

— Ну, Катюшка, вѣкъ не забуду: научила глядѣть.

Церковь Божія.

Порѣшилъ Иванъ церковь Богу поставить. Да такую — чтобъ небу жарко, чертямъ тошно стало, чтобъ на весь міръ про Иванову церковь слава пошла.

Ну, извѣстно: церковь ставить — не избу рубить, денегъ надо порядочно. Пошелъ промышлять денегъ на церковь Божію.

А ужъ дѣло къ вечеру. Засѣлъ Иванъ въ логу подъ мостомъ. Часъ, другой — затопали копыта, катитъ тройка по мосту: купецъ проѣзжій.

Какъ высвистнетъ Иванъ Змѣй-Горынычемъ — лошади на дыбы, кучеръ — брякъ объ земь, купецъ въ тарантасѣ отъ страху — какъ листъ осиновый.

Упокоилъ кучера — къ купцу приступилъ Иванъ:

— Деньги давай.

Купецъ — ну клясться, божиться: какія деньги?

— Да вѣдь на церковь, дуракъ: церковь хочу построить. Давай.

Купецъ клянется — божится: «самъ построю».

— А-а, самъ? Ну-ка?

Развелъ Иванъ костеръ подъ кустомъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ — и сталъ купцу лучинкою пятки поджаривать. Не стерпѣлъ купецъ, открылъ деньги: въ правомъ сапогѣ — сто тыщъ, да въ лѣвомъ еще сто.

Бухнулъ Иванъ поклонъ земной:

— Слава тебѣ, Господи! Теперича будетъ церковь.

И костеръ землей закидалъ. А купецъ охнулъ, ноги къ животу подвелъ — и кончился. Ну что подѣлаешь: Бога для вѣдь.

Закопалъ Иванъ обоихъ, за упокой души помянулъ, а самъ въ городъ: каменьщиковъ нанимать, столяровъ, богомазовъ, золотильщиковъ. И на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ купецъ съ кучеромъ закопаны, вывелъ Иванъ церковь — выше Ивана Великаго. Кресты въ облакахъ, маковки синія со звѣздами, колокола малиновые: всѣмъ церквамъ церковь.

Кликнулъ Иванъ кличъ: готова церковь Божія, всѣ пожалуйте. Собралось народу видимо-невидимо. Самъ архіерей въ золотой каретѣ пріѣхалъ, а поповъ — сорокъ, а дьяконовъ — сорокъ сороковъ. И только это службу начали — глядь, архіерей пальцемъ Ивану вотъ такъ вотъ:

— Отчего, — говоритъ, — у тебя тутъ духъ нехорошій? Поди, старушкамъ скажи: не у себя, молъ, онѣ на лежанкѣ, а въ церкви Божіей.

Пошелъ Иванъ, старушкамъ сказалъ, вышли старушки; нѣтъ — опять пахнетъ! Архіерей попамъ пальцемъ мигнулъ: закадили всѣ сорокъ поповъ; что такое? — не помогаетъ. Архіерей — дьяконамъ: замахали дьякона въ сорокъ сороковъ кадилъ: еще пуще духъ нехорошій, не продохнуть, и ужъ явственно: не старушками — мертвой человѣчиной пахнетъ, ну просто стоять невмочь. И изъ церкви народъ, — дьякона тишкомъ, попы задомъ: одинъ архіерей на орлецѣ посреди церкви да Иванъ передъ нимъ — ни живъ, ни мертв.

Поглядѣлъ архіерей на Ивана — насквозь, до самаго дна — и ни слова не сказалъ, вышелъ.

И остался Иванъ самъ-одинъ въ своей церкви, всѣ ушли, не стерпѣли мертваго духа.

Петька.

Подарили Петькѣ игрушку: голубоглаза, маленькія ручки, шелковые кудри, разныя тамъ кружева да прошивки. А ужъ это-то какъ замѣчательно: нажать хорошенько — и сейчасъ тебѣ скажетъ «лю-блю», да еще и глазки голубые закатитъ.

Играть бы да играть Петькѣ, да родителей благодарить: не всякому такія игрушки дарятъ. Да вотъ нѣтъ же: глупый мальчишка, больно ужъ уменъ не въ мѣру. День поигралъ, другой. На третій — пожалуйте:

— Отчего глазами такъ дѣлаетъ? Отчего пахнетъ хорошо? Отчего «лю-блю»?

Перочинный ножичекъ, да вспоролъ, да до всего и добрался, отчего что.

А только ничего интереснаго: для томныхъ глазъ — шарики какіе-то свинцовые; подъ розовымъ атласомъ — кожей — гнилые опилки; для «лю-блю» — резиновый пузырь съ дудкой.

Зашили потомъ родители кое-какъ, да ужъ не то: «лю-блю»-то ужъ не умѣетъ дѣлать.

Петьку выдрали, да и стоитъ. Глупый мальчишка: будетъ знать — какъ игрушки портить. Говорено сколько разъ: игрушки — для игры, а не хочешь играть, дрянь-мальчишка, отдай другому. А то, ишь ты: внутри ему глядѣть надо, ломать ему надо.

— Не ломать, не ломать, не лома-ать!

Такъ его.

Картинки.

Пришелъ я къ пріятелю — денегъ взаймы просить. Ни самого нѣтъ дома, ни жены нѣту: вышелъ ко мнѣ въ залу мальчикъ чистенькій такой.

— Вы погодите немножко. Папа — мама сейчасъ придутъ.

А чтобъ не скучалъ я, сталъ мнѣ мальчикъ картинки показывать.

— Ну, это вотъ что?

— Волкъ, — говорю.

— Волкъ, вѣрно. А вы знаете, волкъ, онъ травку не кушаетъ, онъ овечковъ кушаетъ...

И такъ это всѣ картинки объясняетъ дотошно; ну, смерть надоѣлъ. Пѣтуха раскрылъ:

— А это что?

— Это? Изба, — говорю.

Выпучилъ мой мальчикъ глаза, обомлѣлъ. Погодя, кой какъ справился, нашелъ мнѣ настоящую избу:

— Ну, а это что?

— А это — вѣникъ березовый, вотъ что.

Улыбнулся мальчикъ вѣжливенько и доказывать сталъ: изба — зернышки не клюетъ, а пѣтухъ — клюетъ, а въ пѣтухѣ — жить нельзя, а въ избѣ можно, а у вѣника — дверей нѣту, а...

— Вотъ что, — говорю, — милый мальчикъ: если ты сію минуту не уйдешь, я тебя въ окошко выкину.

Поглядѣлъ мнѣ въ глаза мальчикъ, увидалъ—правда, выкину. Заревѣлъ, пошелъ бабушкѣ жаловаться.

Вышла бабушка въ залу и стала меня корить:

— И какъ же вамъ не совѣстно, молодой человѣкъ? За что вы милаго мальчика? Вѣдь онъ вамъ истинную правду говорилъ, а вы его этакъ!

Бяка и Кака.

Въ печуркѣ у мужика — пухъ утиный сушился. И завелись въ пуху Бяка да Кака. Вродѣ черныхъ тараканов, а только побольше, рукъ двѣ, ногъ двѣ, а языкъ одинъ — дли-инный: пока маленькія были сами себя языкомъ, вмѣсто свивальника, пеленали.

Хорошенькія такія, богомольныя — мужикъ на ночь — Троеручицѣ поклоны бьетъ, а Бяка да Кака сзади — спинѣ мужиковой. Днемъ изъ избы соръ носили; по престольнымъ праздникамъ, въ новыхъ красныхъ рубашечкахъ, мужика поздравляли. И до масленицы было — какъ нельзя лучше.

На масленицѣ — принесъ браги мужикъ: такая брага — все вверхъ дномъ. Рожи, хари, нечистики; ухваты — по горшкамъ, черепки; изба — трыкнула и самоходомъ пошла — куда глаза глядятъ. А мужикъ — безъ заднихъ ногъ, и на брюхѣ — огарокъ догораетъ, потрескиваетъ: вотъ— вотъ мужикова рубаха займется.

Бяка да Кака со всѣхъ ногъ кинулись: огарокъ тушить.

— Да пусти ты: я потушу.

— Нѣтъ ты пусти: я...

— Я мужика больше люблю; а ты — такъ себѣ, я зна-аю!

— Нѣтъ я больше. А ты Бяка!

— Я — Бяка? А ты — Кака! Что, ага?

Да въ усъ, да въ рыло — и клубкомъ по полу. Катались — катались, а отъ огарка — рубаха, отъ рубахи — мужикъ, отъ мужика — изба. И съ мужикомъ, съ избой вмѣстѣ — Бяка и Кака: отъ всего — одна сажа.

Четвергъ.

Жили въ лѣсу два брата: большенькій да меньшенькій. Большенькій — неграмотный былъ, а меньшенькій — книгочей. И близко Пасхи — заспорили между себя. Большенькій говоритъ: Свѣтлое Воскресенье, разговляться. А меньшенькій въ календарь поглядѣлъ: четвергъ еще, — говоритъ.

Большенькій ничего малый, а только нравный очень, заворотень, слова поперекъ не молви. Осерчалъ большенькій, — съ топоромъ полѣзъ:

— Такъ не станешь разговляться? Четвергъ, говоришь?

— Не стану. Четвергъ.

— Четвергъ, такой-сякой? — зарубилъ меньшенькаго топоромъ — и подъ лавку пхнулъ.

Вытопилъ печку, разговѣлся большенькій, чѣмъ Богъ послалъ, подъ святыми сѣлъ — доволенъ. А за теплой печкой — вдругъ сверчокъ:

— Чтвергъ-чтвергъ. Чтвергъ-чтвергъ.

Осерчалъ большенькій, подъ печку полѣзъ — за сверчкомъ. Лазилъ-лазилъ, вылѣзъ въ сапухѣ весь, страшный, черный: изловилъ сверчка и топоромъ зарубилъ. Упарился, окошко открылъ, сѣлъ подъ святыми, доволенъ: ну, теперь кончено.

А подъ окошкомъ — откуда ни возьмись воробьи:

— Четвергъ, четвергъ, четвергъ!

Осерчалъ большенькій еще пуще, погналъ съ топоромъ за воробьями. Ужъ онъ гонялся-гонялся, гонялся-гонялся, какіе улетѣли, какихъ порубилъ воробьевъ.

Ну, слава Богу: зарубилъ слово проклятое: четвергъ. Инда топоръ затупился.

Сталъ топоръ точить, — а топоръ объ камень:

— Четвергъ. Четвергъ. Четвергъ.

Ну ужъ, коли и топоръ про четвергъ — дѣло дрянь. Топоръ объ земь, въ кусты забился, — такъ до Свѣтлаго Воскресенья большенькій и пролежалъ.

Въ Свѣтлое Воскресенье — меньшенькій братъ воскресъ, конечно. Изъ-подъ лавки вылѣзъ — да и говоритъ старшему.

— Будетъ, вставай. Вздумалъ, дуракъ: слово зарубить. Ну, ужъ ладно: давай похристосуемся.

Херувимы.

Всякому извѣстно, какіе они, херувимы: головка да крылышки — вотъ и все существо ихнее. Такъ и во всѣхъ церквахъ написаны.

И только это послѣ обѣда бабушка прилегла — глядь, херувимы у ней по всей комнатѣ. И — летаютъ, и — летаютъ, крыльями полощутъ по-ласточьи, подъ самымъ подъ потолкомъ трепыхаются.

Прочитала имъ бабушка Херувимскую, и всякую молитву про херувимовъ вспомнила — прочитала: а они все объ потолокъ головками бьются. Такъ стало жалко бабушкѣ херувимовъ — терпѣнья нѣтъ. И говоритъ — какому поближе:

— Да ты бы, батюшка, присѣлъ, отдохнулъ бы. Вѣдь, уморился, поди, летать-то.

А херувимъ сверху ей, жа-алостно:

— И радъ бы, бабушка, посидѣть — да сѣсть нечемъ!

И вѣрно: головка да крылышки — все существо ихнее. Такая ужъ судьба херувимская: объ потолокъ трепыхаться, покуда не отмотаютъ себѣ крылышки.

Огненное А.

Которые мальчики очень умные — тѣмъ книжки дарятъ. Мальчикъ Вовочка былъ очень умный — и подарили ему книжку: про марсіанъ.

Легъ Вовочка спать — куда тамъ спать: ушки горятъ, щечки — горятъ. Марсіане-то, вѣдь, оказывается, давнымъ-давно знаки подаютъ намъ на землю, а мы-то! Всякой ерундой занимаемся: исторіей Иловайскаго. Нѣтъ, такъ больше нельзя.

На сѣновалѣ — Вовочка и трое второклассниковъ, самыхъ вѣрныхъ. Иловайскаго — въ уголъ. Четыре головы — надъ бумажкой: чертятъ карандашомъ, шу-шу, шу-шу, ушки горятъ, щечки горятъ...

За ужиномъ большіе читали газету: про хлѣбъ, забастовки — и спорятъ, и спорятъ — обо всякой ерундѣ.

— Ты, Вовка, чего ухмыляешься?

— Да ужъ больно вы чудные: марсіане намъ знаки подаютъ, а вы — про всякую ерунду.

— А ну тебя съ марсіанами... — и про свое опять. Глупые большіе!

Заснули, наконецъ. Вовочка — какъ мышь: сапоги, брюки, куртку. Зубъ на зубъ не попадетъ, въ окошко прыгъ! — и на пустой монастырскій выгонъ, за лѣснымъ складомъ купца Заголяшкина.

Четверо второклассниковъ, самыхъ вѣрныхъ, натаскали дровъ купца Заголяшкина. Сложили изъ

дровъ букву А — и заполыхало на выгонѣ огненное А для марсіанъ, колоссальное огненное А: въ пять саженъ длиной.

— Трубу!.. Трубу наводи скорѣе!

Навелъ мальчикъ Вовочка подзорную трубу, трясется труба.

— Сейчасъ... кажется... Нѣтъ еще... Сейчасъ-сейчасъ...

Но на Марсѣ — попрежнему. Марсіане занимались своимъ дѣломъ и не видѣли огненнаго А мальчика Вовочки. Ну, стало быть, завтра увидятъ. Ужъ завтра — обязательно.

— Ты чего нынче, Вовочка, чисто имениникъ?

— Такой нынче день. Особенный.

А какой не сказалъ: все одно, не поймутъ глупые большіе, что именно нынче начнется новая, междупланетная, эпоха исторіи Иловайскаго: ужъ нынче марсіане — обязательно...

И вотъ — великая ночь. Красно-огненное А, четыре багровыхъ тѣни великихъ второклассниковъ. И ужъ наведена и дрожитъ труба...

Но Заголяшкинскій сторожъ Семенъ — въ эту ночь не былъ пьянъ. И только за трубу — Семенъ сзади:

— Ахъ-хъ вы канальи! Дрова-а переводить зря? Держи-держи-держи! Стой-стой!

Трое самыхъ вѣрныхъ — черезъ заборъ. Мальчика Вовочку Заголяшкинскій сторожъ изловилъ и, заголивши, высѣкъ.

А съ утра великихъ второклассниковъ глупые большіе засадили за исторію Иловайскаго: до экзамена одинъ день.

Первая сказка про Ѳиту.

Завелся Ѳита самопроизвольно въ подпольѣ полицейскаго правленія. Сложены были въ подпольѣ старыя исполненныя дѣла, и слышитъ Ульянъ Петровичъ, околоточный, — все кто-то скребется, постукиваетъ. Открылъ Ульянъ Петровичъ: пыль — не прочихаешься, и выходитъ сѣренькій, въ пыли, Ѳита. Пола — преимущественно мужского, красная сургучная печать за номеромъ на веревочкѣ болтается. Младенецъ, а вида — почтеннаго, лысенькій и съ брюшкомъ, чисто надворный совѣтникъ, и лицо — не лицо, а такъ — Ѳита, однимъ словомъ.

Очень Ѳита понравился околоточному Ульяну Петровичу: усыновилъ его околоточный и тутъ же въ уголку, въ канцеляріи, поселилъ — и произрасталъ Ѳита въ уголку. Понатаскалъ изъ подполья старыхъ рапортовъ, отношеній за нумеромъ, въ рамочкахъ въ уголку своемъ развѣсилъ, свѣчку зажегъ — и молится, степенно, только печать эта болтается.

Разъ Ульянъ Петровичъ приходитъ, — а Ѳита, глядь, къ чернильницѣ припалъ и сосетъ.

— Эй, Ѳитька, ты чего же это, стервецъ, дѣлаешь?

— А чернила, — говоритъ, — пью. Тоже чего-нибудь мнѣ надо.

— Ну ладно ужъ, пей. Чернила-то казенныя.

Такъ и питался Ѳита чернилами.

И до того дошло — смѣшно даже сказать: посусолитъ перо во рту — и пишетъ, изо рта у Ѳиты —

чернила самыя настоящія, какъ во всемъ полицейскомъ правленіи. И все это Ѳита разные рапорты, отношенія, предписанія строчитъ и въ уголку у себя развѣшиваетъ.

— Ну, Ѳита, — околоточный говоритъ, отецъ-то названный, — быть тебѣ, Ѳита, губернаторомъ.

А годъ былъ тяжелый — ну, какой тамъ, этотъ самый: и холера, и голодъ.

Прикатилъ Ѳита въ губернію на курьерскихъ, жителей собралъ немедля — ну разносить:

— Эт-то что у васъ такое? Хо̀лера, голодъ? Й—я васъ! Чего смотрѣли, чего дѣлали?

Жители очесываются:

— Да-къ мы что жъ, мы ничего. Доктора̀ — холерку подлечивали маленько. Опять же къ скопскимъ бы за хлѣбомъ спосылать...

— Я вамъ — доктора̀! Я вамъ — скопскихъ!

Посусолилъ Ѳита перо:

— «Предписаніе № 666. Сего числа, вступивъ надлежаще въ управленіе, голодъ въ губерніи мною строжайше отмѣняется. Симъ строжайше предписывается жителямъ немедля быть сытыми. Ѳита».

— «Предписаніе № 667. Сего числа предписано мною незамедлительное прекращеніе холеры. Въ виду вышеизложеннаго, симъ увольняются сіи, кои самовольно именуютъ себя докторами. Незаконно объявляющіе себя больными холерой подлежатъ законному тѣлесному наказанію. Ѳита».

Прочитали предписаніе въ церквахъ, расклеили по всѣмъ по заборамъ. Жители отслужили благодарственный молебенъ и въ тотъ же день воздвигли Ѳитѣ монументъ на базарной площади. И степенный, лысенькій, съ брюшкомъ — похаживалъ Ѳита безъ шляпы кругомъ собственнаго монумента.

Прошелъ день и другой. На третій... глядь, холерный заявился въ самую Ѳитину канцелярію: стоитъ тамъ и корчится, — вѣдь, вотъ, не пони-

маетъ народъ своей пользы. Велѣлъ ему Өита всыпать законное тѣлесное наказаніе. А холерный вышелъ — и противоправительственно померъ.

И пошли, и пошли мереть — съ холеры и голоду, и ужъ городовыхъ не хватало для усмиренія преступниковъ.

Почесались жители и міромъ рѣшили: докторовъ вернуть и за скопскимъ хлѣбомъ послать. А Өиту изъ канцеляріи вытащили и учить стали, по-мужицки: народъ необразованный, темный.

И разсказываютъ: кончился Өита такъ же не по-настоящему, какъ и начался: не кричалъ, и ничего, а только все меньше и меньше, и таялъ, какъ надувной американскій чортъ. И осталось только чернильное пятно, да эта самая его сургучная печать за нумеромъ.

Такъ Өита кончился. Но до конца еще умудрился столько дивныхъ дѣловъ натворить, что однимъ духомъ и не сказать всѣхъ.

Вторая сказка про Ѳиту.

Указомъ Ѳита отмѣнилъ холеру. Жители водили хороводы и благоденствовали. А Ѳита дважды въ день ходилъ въ народъ, бесѣдуя съ извозчиками и одновременно любуясь монументомъ.

— А что, братцы, кому монументъ-то, знаете?

— Какъ, баринъ, не знать: господину исполняющему Ѳитѣ.

— Ну, то-то вотъ. Не надо ли вамъ чего? Все могу, мнѣ недолго.

А была извозчичья биржа около самаго собора. Поглядѣлъ извозчикъ на монументъ, на соборъ поглядѣлъ — да и говоритъ Ѳитѣ.

— Да вотъ, толковали мы намедни: уже больно намъ округъ собора ѣздить несподручно. Кабы да черезъ площадь прямая-то дорога...

А былъ Ѳита умомъ быстръ, какъ пуля. Сейчасъ, это, въ канцелярію за столъ — и готово:

«Имѣющійся градскій соборъ неизвѣстнаго происхожденія симъ предписываю истребить немедля. На мѣстѣ вышеупомянутаго собора учредить прямоѣзжую дорогу для г. г. легковыхъ извозчиковъ. Во избѣжаніе предразсудковъ исполненіе вышеизложеннаго поручить сарацинамъ. Подписалъ Ѳита».

Утромъ жители такъ и обомлѣли: соборъ-то нашъ, батюшки! Въ сарацинахъ весь — сверху до низу: и на всѣхъ пяти главахъ, и на крестѣ вер-

хомъ, и по стѣнамъ, какъ мухи. Да черные, да голые — только веревочкой препоясаны, и кто зубомъ, кто шиломъ, кто дрючкомъ, кто тараномъ — только пыль дымитъ.

И ужъ синихъ главъ нѣту, и на синемъ — звѣздъ серебряныхъ, и красный древній кирпичъ кровью проступилъ на бѣлогрудыхъ стѣнахъ.

Жители отъ слезъ не прохлебнутся:

— Батюшка, Ѳита, благодѣтель ты нашъ, помилуй! Да ужъ мы лучше кругалемъ будемъ ѣздить, только соборъ-то нашъ, Господи!

А Ѳита гоголемъ ходитъ — степенный, съ брюшкомъ, на сарацинъ поглядываетъ: орудуютъ — глядѣть любо. Остановился Ѳита передъ жителями — руки въ карманы:

— Чудаки вы, жители. Вѣдь я — для народа. Улучшеніе путей сообщенія для легковыхъ извозчиковъ — насущная потребность, а соборъ вашъ — что? Такъ, финтифлюшка.

Тутъ вспомнили жители: не больно давно приходилъ по соборъ Мамай татарскій, отъ Мамая откупились — авось, молъ, и отъ Ѳиты откупимся. Въ складчину послали Ѳитѣ ясакъ: трехъ дѣвицъ красивѣйшихъ да чернилъ четверть.

Разгасился Ѳита, затопалъ на жителей:

— Пошли вонъ сейчасъ! Туда же: Ма-ма-ай! Мамай вашъ — мямля, а у меня сказано — и аминь.

И сарацинамъ помахалъ ручкой: гони, братцы, во-всю, ужъ стадо домой идетъ.

Сѣло солнце — отъ собора остался только щебень. Своеручно пролинеилъ Ѳита мѣломъ по линеечкѣ прямоѣзжую дорогу. Всю ночь сарацины орудовали — и къ утру пролегла черезъ базарную площадь дорога — прямая, поглядѣть любо.

Въ началѣ и въ концѣ дороги воздвигли столбы, изукрашенные въ будошный черножелтый цвѣтъ, и на столбахъ надписаніе:

Такого-то года и числа неизвѣстнаго происхожденія соборъ истребленъ исполняющимъ обязанности Ѳитою. Имъ же воздвигнута сія дорога съ сокращеніемъ пути легковыхъ извозчиковъ на 50 саженей».

Базарная площадь была, наконецъ, приведена въ культурный видъ.

Третья сказка про Ѳиту.

Жители вели себя отмѣнно хорошо — и въ пять часовъ пополудни Ѳита объявилъ волю, а будошниковъ упразднилъ навсегда. Съ пяти часовъ пополудни у полицейскаго правленія, и на всѣхъ перекресткахъ и у будокъ — вездѣ стояли вольные.

Жители осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ:

— Мать Пресвятая, дожили-таки. Глянь-ка: въ чуйкѣ стоитъ! Замѣсто будошника — въ чуйкѣ, а?

И, вѣдь, главное что: вольные въ чуйкахъ свое дѣло знали — чисто будошниками родились. Въ участокъ тащили, въ участкѣ — и въ хрюкалку, и подъ микитки — ну, все какъ надобно. Жители отъ радости навзрыдъ плакали:

— Слава тебѣ, Господи! Довелось: не кто-нибудь, свои бьютъ — вольные. Стой, братцы, армякъ скину: вамъ этакъ по спинѣ будетъ сподручнѣй. Вали, братцы! Та-акъ... Слава Тебѣ, Господи!

Другъ передъ дружкой наперебой жители ломились посидѣть въ острогѣ: до того хорошо стало въ острогѣ — просто словъ нѣту. И обыщутъ тебя, и на замочекъ запрутъ, и въ глазокъ заглянутъ — все свои же, вольные: слава Тебѣ, Господи...

Однако, въ скорости мѣстовъ не хватать стало, и пускали въ острогъ жителей только какіе попочетнѣй. А прочіе у входа ночь напролетъ дежурили и билеты въ острогъ перекупали у барышниковъ.

Ужъ это какой же порядокъ! И предписалъ Ѳита:

«Воровъ и душегубовъ предписываю выгнать изъ острога съ позоромъ на всѣ четыре стороны».

Воровъ и душегубовъ выгнали на всѣ четыре стороны, и желавшіе жители помаленьку въ острогѣ размѣстились.

Стало пусто на улицахъ — одни вольные въ чуйкахъ; какъ-то оно не того. И опубликовалъ Ѳита новый указъ:

«Симъ строжайше предписывается жителямъ неуклонная свобода пѣснопѣній и шествій въ національныхъ костюмахъ».

Извѣстно, въ новинку — оно трудно. И для облегченія неизвѣстные люди вручили каждому жителю подъ расписку текстъ примѣрнаго пѣснопѣнія. Но жители, все-таки, стѣснялись и прятались по мурьямъ: темный народъ!

Пустилъ Ѳита по мурьямъ вольныхъ въ чуйкахъ — вольные убѣждали жителей не стѣсняться, потому нынче — воля, убѣждали въ загривокъ и подъ сусало и, наконецъ, убѣдили.

Вечеромъ — какъ Пасха... Да что тамъ Пасха! Повсюду пѣли спеціально приглашенные соловьи. Повзводно, въ ногу, шли жители въ національныхъ костюмахъ и около каждаго взвода вольные съ пушкой. Единогласно и ликующе жители пѣли, соотвѣтственно тексту примѣрнаго пѣснопѣнія:

Славься, славься, нашъ добрый царь.

Богомъ намъ данный Ѳита-государь.

А временно исполняющій обязанности Ѳиты раскланивался съ балкона.

Въ виду небывалаго успѣха, жители тутъ же, у балкона Ѳиты, подъ руководствомъ вольныхъ, въ единогласномъ восторгѣ, постановили — ввести ежедневную повзводную свободу пѣснопѣній отъ часу до двухъ.

Въ эту ночь Ѳита первый разъ спалъ спокойно: жители явственно и быстро просвѣщались.

Послѣдняя сказка про Ѳиту.

А былъ тоже въ городѣ премудрый аптекарь: человѣка сдѣлалъ да не какъ мы, грѣшные, а въ стеклянной банкѣ сдѣлалъ, ужъ ему ли чего не знать?

И велѣлъ Ѳита аптекаря предоставить.

— Скажи ты мнѣ на милость: и чего-й-то мои жители во внѣслужебное время скушные ходятъ?

Глянулъ въ окошко премудрый аптекарь: какіе дома съ коньками, какіе съ пѣтушками; какіе жители въ штанахъ, какіе въ юбкахъ.

— Очень просто, — Ѳитѣ говоритъ. — Развѣ это порядокъ? Надо, чтобъ все одинаковое. Вообще.

Тàкъ — такъ тàкъ. Жителей — повзводно да за городъ всѣхъ, на выгонъ. И въ пустомъ городѣ — пустили огонь съ четырехъ концовъ: до тла выѣло, только плѣшь черная — да монументъ Ѳитѣ посередкѣ.

Всю ночь пилы пилили, молота стучали. Къ утру — готово: баракъ, вродѣ холернаго, длиной семь верстъ и три четверти, и по бокамъ—закуточки съ номерками. И каждому жителю — бляху мѣдную съ номеркомъ и съ иголочки — сѣраго сукна униформу.

Какъ это выстроились всѣ въ коридорѣ — всякъ передъ своей закуточкой, бляхи на поясахъ — что жаръ-птицы, одинаковые всѣ — новые гривеннички. До того хорошо, что ужъ на что Ѳита — крѣпкій, а въ носу защекотало, и сказать — ничего не ска-

залъ: рукой махнулъ — и въ свою закуточку, № 1. Слава тебѣ, Господи: все—теперь, и помереть можно...

Утромъ, чѣмъ-свѣтъ, еще и звонокъ не звонилъ (по звонку вставали) — а ужъ въ № 1 въ дверь стучатъ:

— Депутаты тамъ къ вашей милости, по неотложному дѣлу.

Вышелъ Ѳита: четверо въ униформѣ, почтенные такіе жители, лысые, пожилые. Въ поясъ Ѳитѣ.

— Да вы отъ кого депутаты?

И загалдѣли почтенные — всѣ четверо разомъ:

— Это что же такое — никакъ невозможно — это нешто порядокъ... Отъ лысыхъ мы, стало быть. Это, стало быть, аптекарь кучерявый ходитъ, а которые подъ польку, мы — лысые? Нѣ-ѣтъ, никакъ невозможно...

Подумалъ Ѳита — подумалъ: по кучерявому всѣхъ — не поодинаковать, дѣлать нечего — надо по лысымъ равнять. И сарацинамъ рукой махнулъ. Налетѣли — набѣжали съ четырехъ сторонъ: всѣхъ — наголо, и мужескій полъ, и женскій: всѣ — какъ колѣно. А аптекарь премудрый — чудно̀й сталъ, облизанный, какъ котъ изъ-подъ дождичка.

Еще и стричь всѣхъ не кончили — опять Ѳиту требуютъ, опять депутаты. Вышелъ Ѳита смурый: какого еще рожна?

А депутаты:

— Гы-ы! — одинъ въ кулакъ. — Гы-ы! — другой. Мокроносые.

— Отъ кого? — буркнулъ Ѳита.

— А мы, этта... Гы-ы! Къ вашей милости мы: отъ дураковъ. Гы-ы! Жалаемъ, знычть, чтобъ, знычть... всѣмъ, то есть, знычть... равномѣрно...

Туча-тучей вернулся Ѳита въ № 1. За аптекаремъ.

— Слыхалъ, братъ?

— Слыхалъ... — голосокъ у аптекаря робкій, голова въ ситцевомъ платочкѣ: отъ холоду, непривычно стриженому-то.

— Ну какъ же намъ теперь?

— Да какъ-какъ: теперь ужъ чего же. Назадъ нельзя.

Передъ вечерней молитвой — прочли приказъ жителямъ: быть всѣмъ пѣтыми дураками равномѣрно — съ завтрашняго дня.

Ахнули жители, а что будешь дѣлать: супротивъ начальства развѣ пойдешь? Книжки умныя наспѣхъ послѣдній разъ сѣли читать, до самого до вечерняго звонка все читали. Со звонкомъ — спать полегли, а утромъ всѣ встали: пѣтые. Веселье — бѣда. Локтями другъ дружку подталкиваютъ — гы-ы! гы-ы! Только и разговору: сейчасъ вольные въ чуйкахъ корыта съ кашей прикатятъ: каша ячневая.

Прогулялся Ѳита по коридору — семь верстъ и три четверти — видитъ: веселые. Ну, отлегло: теперь-то ужъ все. Премудраго аптекаря въ уголку обнялъ:

— Ну, братъ, за совѣты спасибо. Вѣкъ не забуду.

А аптекарь — Ѳитѣ:

— Гы-ы!

А вѣдь выходитъ дѣло — одинъ остался: одному за всѣхъ думать.

И только это Ѳита заперся въ № 1 — думать, какъ опять въ дверь. И ужъ не стучатъ, а прямо ломятся, лѣзутъ, гамятъ несудомъ:

— Э-э, братъ, нѣтъ, не проведешь! Мы хоть и пѣтые, а тоже, знычть, понимаемъ! Ты, братъ, тоже дурѣй. А то ишь ты... Нѣ-ѣтъ, братъ!

Легъ Ѳита на кроватку, заплакалъ. А дѣлать нечего.

— Ужъ Богъ съ вами, ладно. Дайте сроку до завтрева.

Весь день Ѳита промежду пѣтыхъ толкался, и все дурѣлъ помаленьку. И къ утру — готовъ, ходитъ — и: гы-ы!

И зажили счастливо. Нѣту на свѣтѣ счастливѣе пѣтыхъ.

Содержаніе.

*